

Snigireva, Tat'jana Aleksandrovna; Podčinenov, Aleksej Vasil'jevič;
Snigirev, Aleksej Vasil'jevič

Авторские амплуа Б. Акунина в проекте "История Российского государства"

Opera Slavica. 2015, vol. 25, iss. 3, pp. 25-37

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/134602>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Татьяна Александровна СНИГИРЕВА — Алексей Васильевич ПОДЧИНЕНОВ
Алексей Васильевич СНИГИРЕВ

Авторские амплуа Б. Акунина в проекте «История Российского государства»

В работе предпринят анализ специфики соотношения истории и литературы, характерной для современного варианта интерпретации зарождения и становления российской государственности. Показаны механизмы систематизации и — одновременно — «одомашнивания» истории, исследованы формы презентации писательской оценки, присутствия автора в тексте, приемы установления диалога с читателем.

Ключевые слова: Б. Акунин; история; исторический факт; литература; беллетристика; формы присутствия автора; читатель

Boris Akunin's Author Roles in the Project "History of the Russian State"

In the work, there has been undertaken the analysis of the specific correspondence between history and literature — which is typical for a modern version of interpreting the origin and formation of the Russian statehood. The article shows mechanisms of systematization and, simultaneously, "domestication" of history, studies the forms of writer's assessment presentation, the presence of the author in the text, ways of finding a dialogue with the reader.

Key words: Boris Akunin; history; historical fact; literature; fiction; forms of the author's presence; reader

Цель данной статьи состоит в том, чтобы кратко описать основные формы авторской репрезентации Б. Акунина в проекте «История Российского государства». Два основных сюжета сопровождают творчество Б. Акунина вот уже без малого двадцать лет. Сюжет сугубо научный: по какому ведомству прописать его литературные проекты и творчество в целом. Здесь диапазон весьма широк и определяется тем, что интересует исследователя: от специфики массовой культуры до характерологических черт русского постмодернизма. Второй сюжет — конспирологический, во многом спровоцированный самим автором — от псевдонимной игры до тайны следующего проекта. И тот и другой, на наш взгляд, так или иначе, ставят вопрос

о бесспорном коммерческом успехе автора: «Б. Акунин прежде всего — литературный проект, выстроенный по всем правилам современного коммерческого проекта. Вплоть до ставшей уже традиционной установки на игру и интриги, связанной со скрываемой личностью автора...»¹

Характерно, что конечным авторитетом при очерчивании феномена Акунина чаще всего становится сам Акунин-филолог, который четко выстраивает считывание своего творчества: «Объясняя процесс создания своих романов, Б. Акунин пишет: „Я придумал многокомпонентный, замысловатый чертеж. Поэтому — проект. Чем, собственно литература отличается от литературного проекта? По-моему тем, что корни литературы — в сердце, а корни литературного проекта — в голове“»². За самоопределением писателя следует и А. В. Макаркин в статье с несколько пафосным названием: «Россия, которую мы не теряли. Борис Акунин создает эпос нового типа», в которой цитирует очередную версию Акунина: «Очень надеюсь на то, что лыжню, которую я сейчас прокладываю, не заполнит снегом, что другие профессиональные литераторы двинутся тем же путем, и мы вместе построим затейливое здание под названием „новая русская беллетристика“»³.

Однако в ныне уже обширной литературе, посвященной Б. Акунину, все еще немногие пытаются решить вопрос о причине того, почему за два десятилетия Б. Акунин стал самым читаемым автором, по крайней мере, в России и у самого разного и по возрастным, и по социально-статусным параметрам читателя, более того, вне пристального внимания до сих пор остался главный вопрос: по каким законам строится художественный мир писателя, мир, который оказался востребованным литературой и читателем XXI века? А излишняя доверчивость к акунинским декларациям своей стратегии и тактики, без учета всегдашней игровой установки писателя (и с читателями, и с интерпретаторами в том числе), может привести (и приводит) к определенной искаженности восприятия и оценки его «творческого продукта». Так, после выхода первого тома «Истории Российского государства» самоироничная реплика в блоге «Любовь к истории» («Новый Карамзин явился») спровоцировала почитателей Акунина отнести к его новому проекту как к попытке продолжить богатую российскую историографическую традицию. А утверждение «Я не выстраиваю никакой

¹ ŠAMANSKIJ, D. V.: *Plusquamperfect*. Mir ruskogo slova. 2002, № 1, s. 7.

² BABKOVA, N. G.: *Funkcii postmodernistskogo diskursa v detektivnykh romanakh Borisa Akunina o Fandorine i Pelagii*. Avtoref. na soisk. uč. st. kand. filol. nauk. Ulan-Ude, 2010. <http://www.dissertat.com/content/funksii-postmodernistskogo-diskursa-v-detektivnykh-romanakh-borisa-akunina-o-fandorine-i-pe> (20.04.2015).

³ МАКАРКИН, А. В.: *Rossija, kotoruju my ne terjali. Boris Akunin sozdajet èpos novogo tipa*. Segodnja. 2008, № 7, с. 5.

концепции. У меня ее нет»⁴, напечатанное большими буквами жирным шрифтом на странице «От автора» заставило «Русский репортер», журнал весьма недоверчивый и критичный, «повестись», в результате быстро объявить новый акунинский проект скучным и необязательным для нашего времени.

Между тем, концепция в «Истории Российского государства», безусловно, есть и последовательно и четко прописывается как в собственно исторических томах, так и в отдельно написанных повестях-приложениях к ним («Часть Европы» сопровождается повестями «Огненный перст», «Князь Клюква», «Часть Азии» — повестями «Звездуха», «Бох и шельма»). Как есть и система целей, обуславливающая причины, по которым успешный автор исторических детективов решился на иную форму диалога с историей. Прежде всего, это ряд причин «внутреннего порядка», созвучных кругу интересов автора: любовь к истории, постоянный интерес к потаенным ее нитям, малоизвестным фактам и героям, рожденное небанальными знаниями стремление к созданию индивидуально-авторской версии ее. Это — во-первых. Во-вторых, попытка уяснить, в первую очередь для себя, почему Россия стала такой, каковой она есть ныне. Уяснив, систематизировав, рассказать своим современникам («Я пишу для людей, плохо знающих историю и желающих в ней разобраться. Я и сам такой же»⁵). Это уже причины «внешнего порядка», бывшие побудительными для многих серьезных историков и писателей. Ближайшее здесь по характеру письма имя — Н. Карамзин, ближайшее по задачам — А. Солженицын. Естественно, что в процессе создания «Истории Российского государства» Б. Акунин использовал длинный список источников — от «Повести временных лет» до работ академика Рыбакова и современных публикаций, но в ядерную зону базовых текстов входят, в первую очередь, знаковые для русской исторической традиции имена Н. М. Карамзина, В. Соловьева, В. О. Ключевского.

Для понимания авторской стратегии в новом проекте важно и то, что Б. Акунин на протяжении всего повествования не только постоянно отсылает к своим предшественникам, но решительно отвергает традиции «письма по заказу»: «В периоды, когда верховная власть по идеологическим соображениям начинала испытывать государственный интерес к исторической науке, ученые немедленно начинали искать не истину,

⁴ AKUNIN, B.: *Část' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*. Moskva 2014, s. 3; AKUNIN, B.: *Část' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*. Moskva 2014, s. 3.

⁵ AKUNIN, B.: *Část' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 3.

а расположение начальства»⁶. Современный писатель встает на путь культуртрегерства в форме популяризации: как всегда новая эпоха и новый поворот движения страны требует новую историческую оптику. В этом смысле Б. Акунин опередил государственный заказ на единый учебник истории и создает в XXI веке, возможно, первый «авторский учебник истории», альтернативный государственному проекту, предлагая историю русского государства с точки зрения новой рубежной эпохи.

Акунин пишет историю «не страны, а именно государства», что даст возможность, по мнению писателя, ответить на главный для него вопрос: «как и почему Россия получилась именно такой?»⁷. Вопрос, изначально допускающий параллели с современностью, что характерно скорее романному, нежели историческому письму. И Акунин позволяет постоянные то тайные, то открытые выходы к современности. Порой «в скобках» в прямом и переносном смысле: «(Не могу здесь удержаться от комментария, к которому еще вернусь в финальной главе: одним из самых негативных последствий ордынского периода нашей истории, на мой взгляд, является неразвитость понятия о чувстве личного достоинства. Унижаясь сами перед ханами, московские правители считали тем более нормальным унижать своих приближенных, а те, в свою очередь, поступали таким же образом с нижестоящими)»⁸; «Великий князь наделял дворян поместьями [...], а кроме того *сажал на кормление* — позволял кормиться за счет занимаемой должности. (Взгляд на рабочее место как на источник дохода у российских государственных служащих окажется очень прочным, переживет смену всех формаций и, в общем, сохранится вплоть до нынешнего дня)»⁹.

Историческая концепция, положенная в основу, судя по первым двум томам фундаментального и трудоемкого повествования, есть, причем весьма жесткая и неожиданно актуальная (хотя очевидно имеет своих многочисленных предшественников). Историк и писатель нового рубежа не только не противопоставляет Россию-Европу России-Азии, а показывает сложное движение истории, в котором, если избавиться от стереотипов, азиатское столь же важно в нашей государственности, как и азиатское. В первом томе Б. Акунин показывает, каких социальных и культурных высот сумела достичь Русь-Европа, но финалом главы «Жизнь в древней Руси», в которой подробно показан ее безусловно европейский уровень (от

⁶ Там же, с. 41.

⁷ AKUNIN, B.: *Čast' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 3.

⁸ AKUNIN, B.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 184.

⁹ Там же, с. 373.

грамотности до зодчества, от положения женщин до отношений с Константинополем) стало утверждение отнюдь не благостного характера: «Вот какой бы была Русь во времена, когда она целиком принадлежала к европейской цивилизационной зоне: более зажиточной, свободной и образованной, чем в следующую эпоху. Но при этом Древнюю Русь можно назвать «неудавшимся государством» — к тринадцатому столетию в силу внутренних причин оно почти распалось, а при столкновении с серьезной внешней силой рухнуло окончательно»¹⁰.

Основной вопрос, на который писатель пытается ответить: Россия-Азия — откат назад? И отвечает уже в первом томе во фрагменте «Вместо Заключения»: «Из-за двойственной европейско-азиатской конструкции Россию на протяжении ее истории много раз швыряло из одной крайности в другую. Страна то начинала заполошно «европеизироваться», то шарахалась назад в «Азию». Периоды либерализации сменялись «закручиванием гаек», «заморозки» — «оттепелями», реформы — контрреформами. Однако было бы заблуждением рассматривать «азиатскую» составляющую как трудноизлечимую болезнь или родовую травму России. В исторической перспективе эта наша генетическая особенность не только создавала проблемы, но дарила бонусы.

Во-первых, без «азиатского» компонента Россия не была бы то культурно и духовно могущественной страной, какой она сегодня является.

Во-вторых, примат «государственности» и «общинное» устройство массового сознания не раз помогали России пережить тягчайшие потрясения, которых не выдержало бы сугубо европейское государство (они и не выдерживали) [...]. Где бы мы были без «своей азиатской рожи», без этой восточной неубиваемости?

Да и были бы?»¹¹.

Надо отдать должное Б. Акунину: он не облегчает свою задачу и при всем явном восхищении организаторскими талантами Чингисхана, не забывает подробно писать о его нечеловеческой (по отношению к «чужим») жестокости, при удивлении перед разумностью построения азиатской империи, не скупится на картины тех трагических лишений, которые перенесла Русь за эпоху татаро-монгольского нашествия. Но в «Заключении» к «Ордынскому периоду» решительно уточняет: «...византийское в нашей государственности носило скорее декоративный и идеологический характер, ограничиваясь декларациями и риторикой («Третий Рим», «огонь древнего благочестия», не осуществленная

¹⁰ AKUNIN, B.: *Čast' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 383.

¹¹ Там же, с. 387.

мечта «водрузить крест над Святой Софией» и т. д.), в то время как в строительстве и практике государственной жизни преобладало наследие Сарая, а отнюдь не Константинополя»¹². И делает весьма определенный вывод, открывающий вектор будущего повествования: «Московия, а за нею Россия унаследовала монгольскую мечту об объединении Евразии от океана до океана. Конечно, никакой Василий Темный или даже Иван Третий в таких категориях не мыслили, но архитектурная логика их государственного строительства обрекла страну на движение по имперскому сценарию. Едва окрепнув, «второе» русское государство начнет двигаться по этому ухабистому маршруту»¹³.

Автор не устает повторять: «Современная Россия — плод брачного союза между Западом и Востоком, заключенного отнюдь не по любви, это уже потом как-то стерпелось-слюбилось. Впрочем, в истории по любви, кажется, и не бывает»¹⁴. Еще определеннее в томе «Часть Азии»: «на мой взгляд, правильнее было бы считать потрясения ордынского периода родовыми схватками государства, в котором мы с вами живем. Да, роды были мучительны, но без них не возникло бы России»¹⁵.

После выхода и первого, и второго томов, «Часть Европы» и «Часть Азии», Б. Акунин в блоге «Любовь к истории» неоднократно обращается к членам Благородного собрания, то есть постоянным пользователям, с целым комплексом вопросов: не слишком ли затруднен/облегчен язык исторического повествования, насколько читабелен текст, замечены ли ошибки, как работает визуально-иллюстративный ряд и т. д. Автора явно интересует характер восприятия и оценки его нового проекта и, надо сказать, «Ордынский период» свидетельствует о том, что писатель слышит своего читателя и делает свою историю все более беллетризованной, то есть доступной для все большей аудитории. Главная забота Б. Акунина — сделать чтение одновременно и максимально познавательным, и максимально увлекательным. Так возникает двойной дискурс повествования: собственно исторический, основанный на общеизвестных фактах, и беллетристический, в рамках которого представлены субъективная интерпретация фактов и их оценка, что с безусловностью ведет к нехарактерной для исторической науки, но присущей исторической прозе интенсификации присутствия авторского «я» в тексте. Думается, именно поэтому, а не только безусловностью бренда «Б. Акунин», объясняется тот факт, что

¹² AKUNIN, B.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 384.

¹³ Там же, с. 385.

¹⁴ AKUNIN, B.: *Čast' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 345.

¹⁵ AKUNIN, B.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 5.

Г. Ш. Чхартишвили и в повествовании о становлении российской государственности вновь решил остаться под псевдонимом, оставляя тем самым себе определенный простор для литературных маневров.

Формы присутствия авторского «я» в предложенной Б. Акуниным новой систематике истории Российского государства весьма разнообразны, что, видимо, было обусловлено необходимостью «найти слой», обрести верную тональность повествования, соотносимую как с предметом изложения, так и с естественно-узнаваемой авторской манерой, его индивидуальным голосом.

Поэтому и в нацеленном на передачу исторической канвы тексте Б. Акунин не отказывается от иронической игры, столь свойственной всему его творчеству. В данном случае писатель ведет своеобразную «игру на понижение», постоянно избегая самой возможности пафоса при описании даже трагических страниц русской истории. Предупреждая критику и упреки, ссылается на М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Разумеется, у воинственно-патриотичной части читательской аудитории уподобление России «городу Глупову» вызвало негодование, автора обвиняли в глумлении над русским народом и русской историей. Но способность к самоиронии — одна из спасительных черт нашей культуры; без этих освежающих инъекций мы все давным-давно задохнулись бы от казенной патетики и сиропной сладости, всегда свойственных официальным трактовкам истории»¹⁶. Предупреждения, конечно, не помогли, и уже после выхода первого тома на Акунина обрушились традиционные упреки в его плохо скрываемой нелюбви к «титульной нации», что связано не только с допускаемой иронией, но и с решительной ломкой стереотипов, вновь в сторону снижения оценки того или иного политического деятеля или трактовки того или иного исторического факта. Так, автор идет на весьма рискованную трактовку сюжета, связанного с походом 1185 года Игоря Святославовича: «Князья попали в плен, где их содержали с почетом и не слишком строго. Игорь сбежал, а его юный сын Владимир остался в плену и женился на дочери хана Кончака, так что, в общем, все закончилось по-доброму. Это и неудивительно. Князь Игорь был по матери наполовину половцем, внуком хана Аепы, а с Кончаком в прежние времена им доводилось вместе биться против общих врагов. Вся эта война вообще выглядит семейной или, во всяком случае, родственной ссорой»¹⁷.

Б. Акунин относится к княжеской семье как-то «по-родственному, по-семейному», что своеобразно не только субъективизирует, но и интимизи-

¹⁶ AKUNIN, B.: *Čast' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 89.

¹⁷ Там же, с. 233.

рует повествование: «Про великого князя Изяслава, занявшего киевский «стол» в 1054 году после смерти Ярослава Мудрого, хроника сообщает, что он был красив собой, толст (что тогда тоже считалось красивым), нравом незлобив, кривду ненавидел, правду любил; хитрости и лъстивости не ведал, был немстителен и «прост умом». Последнее, увы, верно. Среди наследников Ярослава Мудрого очень умных вообще не оказалось»¹⁸. Известные герои истории предстают под пером Б. Акунина как люди весьма близкого «своего круга», со своими достоинствами и недостатками. Основной прием здесь — психологическая портретистика. Так, следя в главе «Александр Ярославич Невский» за перипетиями судьбы одного из безусловных героев русской истории, Акунин приходит к выводу о том, что его судьба — это «высокая драма шекспировского накала»: «Александр Ярославич был наделен тем редким и трудным видом мужества, которое побуждает государственного деятеля жертвовать личными чувствами, добрым именем и даже честью ради блага своей страны»¹⁹. Весьма колоритен в описании Акунина Иван Калита. Писатель вскрывает характер при помощи своего излюбленного приема — размышление о феноменологии имени: «Известно, что такое «калита» — большой кошель, который носили на поясе, но почему современники дали Ивану Даниловичу такое прозвание, не совсем ясно. Есть разные версии. Одна из них почтительная: князь носил при себе калиту, чтобы щедро раздавать милостыню. Другая, более распространенная, объясняет прозвище иначе: Иван Данилович рачительно, одну за одной, собирал русские земли, будто в мощну складывал. Однако скорее всего князя называли «калитой», потому что главным его оружием были деньги; он умел их добывать и с пользой тратить»²⁰. Из реконструкции характера рачительного Калиты Акунин делает любопытные выводы, имеющие отношения уже к собственно историческим значительным последствиям, которые все же изначально определены «человеческим фактором»: в борьбе Москвы и Твери выиграл Калита, поскольку «ум и хитрость взяли верх над силой и смелостью...»²¹. В результате происходит не только возвышение Москвы, но постепенное превращение именно ее, а не Твери, Рязани или Вильнюса, в столицу: «Выбор столицы — событие огромного значения для любой страны; в особенности для страны, которой предстояло превратиться в империю, то есть сверхсильное государство жесткой вертикальной конструкции, где облик и дух главного города в значительной степени определяет судьбу и жизнь

¹⁸ Там же, с. 238.

¹⁹ AKUNIN, B.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 193.

²⁰ Там же, с. 226.

²¹ Там же, с. 230.

всего огромного организма. Достойные и недостойные качества московских правителей, привычки и традиции столичного населения, выгоды и невыгоды географического положения города — все это сказалось на облике страны, которую на протяжении нескольких веков называли Московией, а ее обитателей москвитями»²².

При некотором стремлении к внешней объективности Б. Акунин не скупится на прямые одобрительные или едкие оценки ставших «своими» героев. Он явно благосклонен к авантюристам истории и также явно недолюбливает Владимира Красно Солнышко или Юрия Долгорукого. Сравните: «Характерной особенностью поздниекиевского периода является то, что о «князьях-изгоях» рассказывать интереснее, чем о великих князьях. Каждый из князей-изгоев, этих неутомных властолюбцев, обделенных Фортуной, — яркая личность и незаурядная судьба. Они не приспособивались к ситуации, а стремились ее изменить и тем самым, к добру или худу (обычно к худу), приводили в движение историю»²³; «Имя Юрия Долгорукого прославлено в истории и известно всякому современному россиянину благодаря событию, которого, собственно, не было. Этот мало выдающийся князь считается основателем Москвы, в самом центре которой возвышается величественная конная статуя, протягивающая длань по направлению к мэрии»²⁴. При этом свою субъективность автор объясняет субъективностью, правда, иного рода предшественников: «Обычно правители начинали проявлять сугубую заботу о Клио, когда требовалось произвести над ней какую-нибудь косметическую операцию. Для киевских Рюриковичей самым насущным вопросом была легитимизация владычества их династии в иноплеменной среде. В сущности летописец XI века последовательно проводит ту же идею, которую изящно сформулировал придворный историограф Карамзин много столетий спустя: „Отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года..., обьязано величием своим счастливому введению Монархической власти“»²⁵.

Характерно, что и к некоторым историографам Б. Акунин относится как к своим добрым знакомым, что являет себя в аннотирующих репликах при цитировании: «За все это хану Берке симпатизирует Карамзин, которого всегда приятно процитировать...»²⁶; «Лев Гумилев в своей спорной, но замечательно интересной книге «Древняя Русь и Великая Степь»...»²⁷;

²² АКУНИН, В.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 231.

²³ АКУНИН, В.: *Čast' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 242.

²⁴ Там же, с. 298.

²⁵ Там же, с. 79.

²⁶ АКУНИН, В.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 172.

²⁷ Там же, с. 193.

«Русский летописец прокомментировал гибель свергнутого ордынского правителя философски: „И так окончилось во зле зло Мамаевой жизни“»²⁸; «Арабский хронист того времени Ибн-Арабшах описывает последний бой Едигея с Тохтомышем так красиво, что грех не процитировать...»²⁹.

Б. Акунин открыто идет на игровую модернизацию повествования, «переводя» архаичный, порой выспренный язык летописей на современный псевдо деловой стиль или сленг, тем самым намерено создавая комическую ситуацию, актуализируя параллели между днем давно ушедшим и сегодняшним, в котором можно увидеть те же самые социальные процессы и индивидуальные приемы поведения в определенных обстоятельствах: «Имелся и активный агент, который мог исполнить роль крови, циркулирующей по инфраструктуре удобного речного сообщения. Таким подвижным элементом были наемные вражеские дружины, не привязанные к определенному месту проживания и всегда готовые тронуться в путь. Не хватало лишь энергетического толчка, с которого начинается история любого государства»³⁰; «Пограбив окрестности столицы, Олег устроил невиданное действо: приказал вытащить ладьи на берег, поставить их на колеса и, дождавшись сильного ветра, поднял паруса. Чудо-корабли показались вдоль запертого Золотого Рога. Устрашенные этим виндсерфингом, греки запросили мира»³¹. А знаменитый гобелен из Байё, где выткана хроника завоевания Англии норманнами, может хлестко, но узнаваемо назвать «средневековым комиксом».

По ходу разворачивания текста Акунин все увереннее устанавливает диалог со своим читателем. Во-первых, не скрывает собственные эмоционально-психологические состояния, характерные для описания того или иного периода истории страны: «Писать и читать о событиях XIII–XV веков — занятие поначалу весьма депрессивное. Однако настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть что-то от русской сказки: Русь окропили мертвой водой, затем живой — и она воскресла, да стала сильнее прежнего»³²; «Начиная с княжения Ивана Даниловича, рассказывать о событиях отечественной истории становится удобнее. Власть все более централизуется, а при монархическом правлении это означает, что она делается *олицетворенной*, то есть приобретает черты, соответствующие личным качествам государя»³³; «Рас-

²⁸ Там же, с. 297.

²⁹ Там же, с. 322.

³⁰ АКУНИН, В.: *Čast' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 72.

³¹ Там же, с. 110.

³² АКУНИН, В.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. c. 4.

³³ Там же, с. 260.

сказывать о том, что последовало за триумфом 1380 года, очень обидно»³⁴. Есть и моменты, особенно к концу первого тома, свидетельствующие о некой «усталости пера»: автор не скрывает, что ему несколько скучно писать об однообразии поведения и ошибок, ведущих к распаду государственности (см., например, главу «Невеликие великие князья»).

Во-вторых, писатель идет на прием «обнажения приема», например, объясняет логику выбранной им нетрадиционной композиции второго тома: «Для того чтобы понимать ход русской истории этого периода, я намерен вести повествование «от головы»: сначала буду вкратце рассказывать о том, что происходило в метрополии — при дворе великих ханов; затем, несколько детальнее, о событиях в «вице-королевстве» — Золотой Орде; и лишь после этого, уже подробно, о том, как «большая» и «средняя» монгольская политика отражалась на жизни интересующей нас провинции великого азиатского царства — Руси»³⁵; «Чтобы понимать перипетии ордынской борьбы за власть и значение этих потрясений для русской жизни, нам придется разобраться в запутанных взаимоотношениях четырех военных вождей, которые сыграли важную роль в отечественной истории: Тимура, Мамай, Тохтамыш и Едигея»³⁶. Или, усиливая доверительность тона, прямо объясняет нетрадиционные оценки традиционных героев или злодеев русской истории. Безусловно, Чингисхан для него вне этической системы координат, однако писатель предлагает целый веер описаний завоевателя, которые сопровождаются следующими оговорками и утверждениями: «Не знаю, следует ли этим гордиться, но Чингисхана можно считать нашим соотечественником. Он родился на территории современной Российской Федерации, в восьми километрах к северу от монгольской границы»³⁷; «...одно из главных дарований Темучина: он очень хорошо разбирался в людях и умел привязывать к себе самых лучших»³⁸; «Захватив в плен множество татар, народа ему враждебного и слишком многочисленного, Темучин велел всех мужчин истребить, а мальчиков провести мимо телеги: кто выше колеса — убить, остальных же отдать на воспитание в монгольские семьи. Очень рационально и ничего личного»³⁹; «Небольшой народ стал могучей силой благодаря тому, что превратился в нацию, а произошло это вследствие, выражаясь по-современному, революционной национальной политики Чингисхана»⁴⁰;

³⁴ Там же, с. 296.

³⁵ Там же, с. 141–142.

³⁶ Там же, с. 253.

³⁷ AKUNIN, B.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 38.

³⁸ Там же, с. 39.

³⁹ Там же, с. 43.

⁴⁰ Там же, с. 47.

«Пожалуй, можно считать Чингисхана «автором концепции» спецслужбы как опоры и кадрового резерва верховной власти»⁴¹; «Вероятно, это был первый завоеватель, сознательно и расчетливо использовавший методику психологической войны»⁴² и т. д.

В-третьих, установлению доверительных отношений с читателем способствует своеобразная местоименная игра, свойственная этому произведению писателя. В «Истории Российского государства «я = я», «мы = я», но весьма частотно и другая формула: «мы = ты (читатель): «Магистральная тема описываемого периода отечественной истории — драма страны, которая, завоеванная цивилизационно чуждым врагом, оказалась вынуждена модифицировать и свой собственный код — иначе она бы не выжила. Мы последовательно и подробно рассмотрим, как мучительно приспособлялась Русь к непривычным условиям существования [...]. «Азиатский сюжет» является главным; он настолько извилист и запутан, что, двинувшись по этому фарватеру, мы уже не будем от него отклоняться. Однако, как мы увидим, в развитие событий время от времени будет вторгаться и «европейский фактор» — почти всегда второстепенный, но тоже очень важный, в особенности для западных областей Руси. Я намерен посвятить этому предмету одну обзорную главу, которое даст общее представление об отношениях Руси с западными соседями в XIII–XV веках; полагаю, что этого будет достаточно»⁴³; «Самое время вернуться к роли личности в истории. На примере Мстислава Удатного мы видели, как действия одного человека могут привести целую страну к катастрофе. Чингисхан же привел свой народ, малочисленный и нищий, к неслыханному величию»⁴⁴. Желание установить общность автора и читателя в усилиях познать собственную историю являет себя в таких репликах, как «об этом мы еще поговорим», «...о которых мы поговорим в следующих главах...», «мы уже говорили о том...». Более того (особенно во втором томе) Акунин идет и на прямые обращения к читателю: «Так что давайте помнить русского литовца Довмонта Псковского»⁴⁵; «Для нас с вами в переменах, случившихся в эту эпоху при дворе великих ханов, важнее всего то, что, начиная с Хубилая, они отказываются от идеи завоевания Европы»⁴⁶.

Акунин, и это принципиально важно, ни в коем случае не настаивает на том, что приводимый им факт не есть вымысел, что предложенная им

⁴¹ Там же, с. 48.

⁴² Там же, с. 61.

⁴³ АКУНИН, В.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 109.

⁴⁴ Там же, с. 36.

⁴⁵ Там же, с. 129.

⁴⁶ Там же, с. 157.

интерпретация — истина в последней инстанции. Характерна постоянная оговорка автора: «Попытаемся реконструировать то, что происходило — или скорее всего происходило — на самом деле»⁴⁷.

Автор нового варианта отечественной истории делает все для того, чтобы чтение его труда было психологически комфортным. Не случайно сам называет свой текст «старопрежним» образом: «...и это непосредственным образом касается темы моего сочинения...»⁴⁸. Заглавная тема моего сочинения не предполагает подробного описания общественной жизни Руси, но все же...»⁴⁹.

Итак, историк и писатель Б. Акунин предлагает нам «сочинение на заданную тему», в котором стереотипная историческая канва подвергается беллетристической обработке. Богатое визуально-беллетристическое сопровождение издания, в котором доминантным является взаимодействие исторического и художественного дискурсов, подтверждает существование в «Истории Российского государства» двух авторских стратегий, стратегий историка и литератора.

Tatiana Alexandrovna Snigireva

Department of Russian Literature, Faculty of Arts,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
tas0905@rambler.ru

Alexey Vasilyevich Podchinenov

Department of Russian Literature, Faculty of Arts,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
A.V.Podchinenov@urfu.ru

Alexey Vasilyevich Snigirev

Department of Russian and Foreign Languages and Standard of Speech,
The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
alex_sengir@rambler.ru

⁴⁷ AKUNIN, B.: *Čast' Jevropy. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo našestvija*, s. 139.

⁴⁸ AKUNIN, B.: *Čast' Azii. Istorija Rossijskogo gosudarstva. Ordynskij period*, s. 178.

⁴⁹ Там же, с. 369.